

О том, что главу дома Чу среди ночи засунули в мешок и избили, знали лишь единицы. Кроме двух братьев, дежуривших той ночью у ворот, в тайну были посвящены только Чу Вэйин, Чунь Сян и дядя Мэн. Однако вскоре все обитатели поместья заметили странную перемену: к охране Чжэнфана (Главного дома), где почивал молодой господин, каждую ночь стали приставлять по четыре-пять дополнительных караульных.

На следующее утро разлетелась весть: Чу Вэй слег. Болезнь была столь тяжела, что он не поднимался с постели, допуская к себе лишь сестру и дядю Мэна. Ши Суй и остальные преданные люди из «названных братьев» могли лишь верно дежурить за порогом. Слушая доносившийся изнутри раздражающий легкие кашель, они каждый раз невольно вздрагивали от страха за жизнь патрона.

Цин Нин был единственным в этой толпе, кто сохранял полное спокойствие. Он слишком хорошо понимал: Чу Вэй ломает комедию. Слабое здоровье господина было фактом, но нынешний приступ ничем не отличался от привычного недомогания — разве что на запястьях остались красные следы от веревок.

Это была охота. И Чу Вэй закинул удочку.

Результат не заставил себя ждать. Стоило слухам расползтись по городу, как на пороге возник Чжао Тяньцзюэ. Потеряв семейную реликвию Чу, он и глазом не моргнул: все так же невозмутимо готовился к помолвке, ни словом не упоминая о пропавшей яшме.

— Господин Чжао прибыл, — дядя Мэн приоткрыл дверь лишь на узкую щелку, демонстрируя всем своим видом крайнюю неловкость. — Молодой господин в тяжелом состоянии и, боюсь, не сможет вас принять. Прошу простить за такое гостеприимство.

Чжао Тяньцзюэ лихорадочно забегал глазами. Он попытался заглянуть через плечо старика, надеясь рассмотреть хоть что-то в глубине комнаты, но обзор был закрыт. Нацепив маску глубокой тревоги, он воскликнул:

— Наши семьи почти породнились, к чему эти церемонии! Я услышал о недуге господина Чу и немедленно примчался. Неужели мне не позволят даже взглянуть на него?

— Это... — дядя Мэн в нерешительности застыл у двери, словно без прямого приказа хозяина не смел сделать и шага.

— Кха-кха... пусти его, — из глубины комнаты донесся слабый, прерывистый голос Чу Вэя. — И Цин Нина тоже позови.

Цин Нин невольно шмыгнул носом и последовал за Чжао Тяньцзюэ. Он подозревал, что Чу Вэй до сих пор видит в нем шпиона, подосланного Чжао, и намеренно сталкивает их лбами, проверяя реакцию.

При виде лежащего на постели Чу Вэй гость театрально ахнул и бросился к кровати. Лицо хозяина дома было мертвенно-бледным, губы обескровлены. Он лишь слабо и вымученно улыбнулся в ответ на этот порыв.

— Как же так? Как вы могли угаснуть буквально за одну ночь? — Чжао Тяньцзюэ едва сдерживал ликование. В его воображении Чу Вэй уже отошел в мир иной, а Вэйин вышла замуж, а все богатство семьи Чу плавно перетекло в его карманы. Однако, памятуя о приличиях, он сокрушенно запричитал: — Как за вами смотрят слуги? Они что, забыли о вашей хрупкости? Возмутительно!

В его голосе уже начали проскальзывать властные интонации будущего хозяина дома. Цин Нин, стоявший в стороне, хранил молчание, лишь краем глаза с иронией наблюдая за затылком гостя. Чжао Тяньцзюэ был далеко не единственным, кто метил на наследство, и его нынешняя чрезмерная прыть делала его идеальной мишенью. Чу Вэй просто вывел его «на прогулку» перед тем, как нанести удар.

Рассыпавшись в фальшивых пожеланиях скорейшего выздоровления и убедившись, что хозяин действительно плох, Чжао Тяньцзюэ удалился. В комнате остались лишь Вэйин, дядя Мэн и Цин Нин.

Как только дверь за гостем закрылась, Чу Вэй мгновенно посмотрел на Цин Нина. Жестом он подозвал его ближе, отослав сестру и старика во внешние покои.

— Цин Нин, — негромко произнес он, — ты ведь понимаешь, почему я «тяжело болен»?

— Потому что вы хотите разом разрубить несколько узлов, — ответил Цин Нин, не желая играть в кошки-мышки. С таким подозрительным человеком, как Чу Вэй, притворная глупость только вредила доверию.

— Не совсем, — Чу Вэй издал тихий, почти довольный смешок. В его взгляде промелькнуло нечто мечтательное. — Я болен, потому что прошлой ночью в мою спальню вломился незванный гость. И кое-что мне сказал.

Сердце Цин Нина на мгновение пропустило удар, но лицо осталось неподвижной маской. Чу Вэй мог лишь догадываться, у него не было доказательств.

— Вломился в спальню? — Цин Нин изобразил крайнее изумление. — Чтобы просто поговорить? И что же он сказал?

— Возможно, разговоры не входили в его первоначальные планы, — Чу Вэй указал на столик у кровати, где стояла чашка из тонкого фарфора. Цин Нин подал ее господину. Тот отпил глоток и, прежде чем отвести взгляд, скользнул им по бедрам юноши. — Но напоследок он посоветовал мне... беречь себя.

Цин Нин промолчал. Стало ясно: Чу Вэй почти уверен, чьих это рук дело. Но раз он не приказал схватить его прямо сейчас, значит, расправы не будет. Наверное, та фраза действительно спасла положение — иначе в поместье Чу сейчас было бы куда меньше тишины и покоя.

— Почему ты молчишь? — Чу Вэй усмехнулся. — Садись на край кровати, в ногах правды нет.

Цин Нин послушно присел.

— Я просто не знаю, что на это ответить.

— Тогда ответь вот на что: как нам поступить с Чжао Тяньцзюэ? — Чу Вэй лучился весельем, когда он передал чашку обратно Цин Нину, чтобы тот поставил ее на стол. — Слишком многие впились зубами в наш пирог. Пора проредить ряды тех, кто кусает слишком больно.

— Господину лучше позволить им перегрызть друг другу глотки внутри их собственной стаи, — голос Цин Нина стал спокойным и сосредоточенным. Этот момент мог стать решающим: либо он заслужит крупную доверия, либо нет.

Чу Вэй поправил одеяло:

— И как же это устроить?

— Раздуйте слухи о вашей болезни до небес. Пусть в это поверят все, — Цин Нин едва заметно улыбнулся. — Сейчас Чжао Тяньцзюэ ближе всех к семье Чу, и его цели ни для кого не секрет. Раньше конкуренты терпели это, зная, что вы не дадите ему развернуться. Но если они поверят, что вы умираете, они не позволят Чжао единолично прибрать все к рукам.

— Ох уж эти люди Наньюаня... — Чу Вэй негромко рассмеялся, но смех перешел в тяжелый кашель. — Добрая половина города спит и видит меня в гробу.

Цин Нин нахмурился и слегка приподнял его, помогая откашляться и поглаживая по спине.

— Не говорите ерунды, господин. Не так уж много людей желают вам зла.

— Ладно. Иди отдыхай, я распоряджусь, чтобы всё подготовили, — Чу Вэй махнул рукой. Но когда Цин Нин уже дошел до резной ширмы, господин внезапно окликнул его: — Цин Нин... мне и вправду стоит беречь себя?

Юноша замер у самого выхода.

— Разумеется. Вам определенно стоит себя беречь.

С этими словами он вышел из Чжэнфана (Главного дома). Снаружи его тут же обступила толпа братьев во главе с Ши Сюем, наперебой расспрашивая о состоянии хозяина. Цин Нин невольно вздохнул — легкое волнение в груди мгновенно сменилось привычным раздражением от шума.

— Успокойтесь. С господином всё будет в порядке.

Толпа облегченно выдохнула, слышались радостные возгласы: «Ну слава богу!», «Какое счастье!».

Цин Нин, засунув руки в карманы, направился к себе. Стоило ему растянуться на кровати, как в голове раздался голос Трит:

— Хозяин, есть прогресс. Уровень доверия старшего молодого господина поднялся на два деления.

«Всего на два?» — разочарованно подумал Цин Нин. И всё же, это был знак того, что его слова достигли цели. Он открыл интерфейс системы: полоска симпатии застыла на месте, не сдвинувшись ни на йоту. В душе шевельнулось странное, едва уловимое чувство горечи, которое он тут же задвинул в самый дальний угол сознания. Не время для меланхолии.

***

Вскоре город забурлил. Весть о критическом состоянии наследника Чу разлетелась пожаром. Семье Чу принадлежали текстильные фабрики, шахты и прииски; рабочие в страхе гадали, сможет ли молодая мисс Вэйин удержать империю на плаву или они все окажутся на улице.

У торговцев же были иные мысли. Они жаждали смерти Чу Вэя. Семья Чу пустила корни в Наньюане слишком глубоко, фактически монополизировав рынок текстиля и добычи ископаемых. Конкурентам доставались лишь крохи, и возможность разделить этот гигантский пирог кружила им головы. Теперь главной задачей было не дать выскочке Чжао вскружить голову Чу Вэйин и забрать всё себе.

Поместье Чу превратилось в проходной двор. Местные богачи один за другим наносили визиты, таская с собой сыновей и дочерей. Сыновья напрашивались в компанию к Чу Вэйин — пострелять или выгулять собак, а дочери, под прикрытием отцовских визитов, старались «поухаживать» за больным Чу Вэем.

Цин Нин, вынужденный целыми днями дежурить у дверей, насмотрелся на такое количество столичных красавиц, что у него началось «эстетическое пресыщение». Наконец, выпроводив очередное семейство, он с зевком вошел в Чжэнфан (Главный дом) господина.

Чу Вэй, с самого начала своей «болезни» почти не покидавший постели в присутствии чужих, на сей раз сидел на стуле. Чунь Сян помогала ему одеваться. Заметив Цин Нина, господин отослал служанку, велел юноше закончить начатое.

Цин Нин, чьи руки были куда менее привычны к такой работе, неловко взялся за дело. Он обтер лицо и руки господина влажным полотенцем и принялся застегивать пуговицы на его одежде. Длинный синий халат застегивался на ряд тугих петелек-узелков от горловины до самого пояса. Не имея сноровки, Цин Нин провозился с верхней пуговицей у воротника добрую минуту, пока на лбу не выступила испарина.

— Если ты будешь ухаживать за мной и дальше, я умру от изнеможения раньше, чем от болезни, — проворчал Чу Вэй. Он тяжело дышал, устав от долгого стояния, и, сев, недовольно добавил: — Слишком уж ты неумел.

— Кхм... давайте лучше о деле, — отозвался Цин Нин.

После того памятного ночного разговора Чу Вэй стал вести себя с ним куда естественнее. Исчезла вечная маска фальшивой вежливости, появились искренние интонации, а иногда и ироничные подначки.

— Все эти гости... Чжао Тяньцзюэ наверняка на взводе. Отчаяние заставит его форсировать свадьбу с Вэйин, а остальные костью лягут, чтобы сорвать торжество, — Чу Вэй отпил чаю и указал на свое деревянное кресло-коляску.

Цин Нин выкатил коляску во двор, затем вернулся, помог господину усесться и принялся медленно возить его по саду.

— Вы правы, господин. Но есть и другой риск. Загнанный в угол Чжао может решиться на крайность. Ему проще нанять убийцу и избавиться себя от вашего присутствия — ведь без вас никто не сможет наложить вето на его брак с вашей сестрой.

— Получается, мне нужен телохранитель с хорошими навыками, который всегда будет рядом,
— Чу Вэй обернулся, глядя на юношу с лукавой улыбкой. — Перебирайся-ка ты в Сиэрфан (Западную боковую комнату) при моих покоях.

Сиэрфан (Западная боковая комната) примыкала вплотную к спальне хозяина. Обычно там жили личные служанки, и в прежние времена такие «приближенные» нередко становились первыми наложницами молодых господ.

Цин Нин на мгновение лишился дара речи.

— Мне кажется... это не совсем уместно?

— Что именно? — парировал Чу Вэй, а затем, словно что-то сообразив, усмехнулся: — Не переживай, Чунь Сян в Чжэнфане (Главном доме) не ночует.

Цин Нин почувствовал себя так, словно проглотил ежа.

— О... ясно, — выдавил он.

Что ж, в конце концов, жить в одной комнате — еще не значит заводить роман.

<http://bllate.org/book/17520/1659965>